

Альфоади Рахим Али Карам, Аль-Магсуси Хикмат Джуад

ПРОГРЕССИВНАЯ СЕМАНТИЧЕСКАЯ ФОНОГРАММАТИКА: ПРИНЦИПЫ АРАБСКОЙ ФОНОСТРУКТУРЫ

В статье предлагается анализ арабской корнеформы с точки зрения прогрессивной фоносемантики и фонограмматики. В рамках этой лингвистической парадигмы подтверждается теория ассоциации звука со смыслом в силу арабской структуры слова. В зависимости от сочетания определенных консонантов корнеформы реализуются принципы прогрессивной фонограмматики арабского языка. Звуковые количественные изменения консонантов корнеформ также являются результатом прогрессивной семантической фонограмматики.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/5-1/1.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 5 (47): в 2-х ч. Ч. I. С. 13-23. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81

Филологические науки

В статье предлагается анализ арабской корнеформы с точки зрения прогрессивной фоносемантики и фонограмматики. В рамках этой лингвистической парадигмы подтверждается теория ассоциации звука со смыслом в силу арабской структуры слова. В зависимости от сочетания определенных консонантов корнеформы реализуются принципы прогрессивной фонограмматики арабского языка. Звуковые количественные изменения консонантов корнеформ также являются результатом прогрессивной семантической фонограмматики.

Ключевые слова и фразы: фонограмматика; фоносемантика; консонант; арабский язык; морфонологическая категоризация; корнеформа.

Аль-фоади Рахим Али Карам, к. филол. н., доцент

Аль-Магсуси Хикмат Джуад

Багдадский государственный университет, Ирак

raheem_3friend@yahoo.com; hikmatjawad@mail.ru

ПРОГРЕССИВНАЯ СЕМАНТИЧЕСКАЯ ФОНОГРАММАТИКА: ПРИНЦИПЫ АРАБСКОЙ ФОНОСТРУКТУРЫ[©]

О важности фонограмматики

Фонетический характер является основным признаком, по которому можно раскрыть степень родства не только языков одной семьи типа индоевропейских, фонетический строй которых служит основным показателем их единства, но и языков разных семей. Разложение данного строя свидетельствует о раздроблении индоевропейского праязыка на отдельные самостоятельные языки [18, с. 124]. Общий **семантический фонограмматический строй** показывает остатки общего языкового родства разносемейных языков типа семитских и индоевропейских: см. лат. *cerno – crevi, sterno – stravi, pello – pepuli*; англ. *foot – feet, tooth – teeth, mouse – mice, come – came, send – sent*; немец. *Bruder – Brüder*; фран. *Brun – brune*; рус. *дом – дома, берег – берега, друг – друзья, убирать – убрать* и проч.; араб. *dars* «урок» → *durūs* «уроки – мн. число м.р.», *jild* «кожа» → *julūd* «кожи – мн. число м.р.», *ḥarb* «война» → *ḥurūb* «войны – мн. число м.р.», *kataba* «писать» → *kātib* «писатель», *šaraba* «пить» → *šārib* «пьющий – имя сущ. и причастие действ. залога м.р. ед.ч. им.п.» → *šāribat* «пьющая – имя сущ. и причастие действ. залога ж.р. ед.ч. им.п.», *kātiban* «два писателя» и *šāriban* «два пьющих – имя сущ. дв.ч. м.р. им.п.» → *n katibein* «о двух пьющих – имя сущ. дв.ч. м.р. пред. п.», *lišaribein* «двум пьющим – дв.ч. м.р. дат.п.» → *šaribūn* «пьющие – имя сущ. мн.ч. м.р. им.п.» → *kalam šaribīn* «речь пьющих – имя сущ. мн.ч. м.р. род. п.».

Встает вопрос о том, что если фонограмматика разносемейных языков проявляет такую близость фонограмматического строя, то можно ли найти такой язык, фоноструктура которого еще не разложена, и сможет ли она действовать прогрессивно на всех уровнях одного и того же языка?

В качестве примера мы будем анализировать новый семитский канонический язык, на котором были написаны оригинальные канонические тексты – классический арабский язык, т.к. другие семитские языки (древнееврейский, арамейский), на которых были написаны Ветхий и Новый заветы, подвергались серьезным изменениям.

Вопрос о семантическом фонограмматическом строе живого представителя семитской группы – арабского языка – является важным, т.к. семитские языки могут служить ключами от одной из важнейших и святейших книг большого количества носителей индоевропейских языков – Евангелия, поскольку «во всем лексикографическом запасе славянского Евангелия многое остается нерешенным до тех пор, пока не приведется в ясность сущность корнеслов книг Ветхого и Нового завета» [3, с. 5-6]. Поэтому мы будем рассматривать фонограмматику и фоносемантику классического арабского языка как целую прогрессивную фоноструктуру.

Не подлежит сомнению тот факт, что фонограмматика никак не отделяется от фоносемантики, но проблема установления точной ассоциации звука со смыслом на долгое время остается без окончательного решения. Важно отметить, что количественные изменения значимых звуков корнеформы представляют собой суть семантической фонограмматики типа *qa.ta'a* «резать – неопр. ф. гл.» → *qū.tī'a* «был резан – прич. страд. залога ед.ч. м.р.» → *qā.tī'* «режущий – прич. действ. залога м.р. ед.ч.». Фонограмматика как самостоятельная наука, охватывающая все уровни языка, не была доработана с тех пор, как Ибн джины установил ее первые правила. Существование прочной неотделимой соотносительности между корнеформами¹ (типа *jarafa* «уносить, умыть,

[©] Аль-фоади Рахим Али Карам, Аль-Магсуси Хикмат Джуад, 2015

¹ Под корнеформой понимается то сочетание консонантов, звучания которых ассоциируются с определенными смыслами типа *qa.t'a* «резать», поскольку «под “языковой сущностью” мы имеем в виду некоторое телесное движение или слово, высказывание, анализируемое с позиции речевого акта как рациональная интенция» [10, с. 120]. Данная ассоциация заключается в том, что движение органов речи, произносящих консонанты, уподобляется действию, осуществляемому субъектом. Итак, выходящий со дна горла выдыхательный поток воздуха при произношении звука /q/ отрывается прикосновением первой части языка со стороны горла к небу рта, что уподобляется первоначальной физической силе субъекта, приложенной с целью резать что-то, поскольку для резания нужно прикосновение субъекта к тому материалу, который режется. Первый консонант корнеформы является ключевым при выражении ассоциации звука со смыслом,

о потоке – неопр. ф. гл.» → *jūriḥa* «был унесен, умыт, о потоке – прич. страд. залога м.р. ед.ч.» → *jāriḥ* «уносящий, умы-вающий, о потоке – прич. действ. залога м.р. ед.ч.»; *kabīr* «большой – прил. м.р. ед.ч.» → *kibār* «большие – прил. мн. ч. м.р.»; *jild* «кожа – сущ. м.р. ед.ч.» → *julūd* «кожи – сущ. м.р. мн.ч.») позволяет поддержать и развивать научные идеи Ибна джины о семантической фонограмматической ассоциации звука со смыслом, с одной стороны, и между флектированными корнеформами одного и того же слова на всех языковых уровнях – с другой¹. Ассоциация звука со смыслом может служить прочной защитой жесткого консонантного порядка арабских *корнеформ*, т.к. с ее помощью сохранились первоначальные признаки семитских языков типа двойственного числа [12, с. 376]. Корнеформа обладает уникальными способностями, заключающимися в том, что: 1) сохраняется основное значение даже при перестановке одних и тех же консонантов корнеформы, например корнеформа со значением «сжимать, давить» – *raʿaṣa* «трясти головой от сжимающей боли», *ʿaṣara* «сжимать, давить», *ṣaraʿa* «сдавливать, сбить»; 2) первые два консонанта выражают основное значение корнеформы, а третий определяет, уточняет и конкретизирует его: *ʿaṣara* «жать, жать сок из лимона» и «боль сжимает ему сердце», *ʿaṣaba* «повязывать, накладывать повязку (например, рану), повязывать себе голову», *ʿaṣafa* «сильно дуть, бушевать, уносить сильным потоком». Именно поэтому можно понять, что «арабский язык отличается от других семитских языков более полным сохранением звуковых, грамматических и словарных богатств семитского праязыка, а также дальнейшим развитием форм и обогащением словаря до баснословных размеров» [19, с. 2]. Данное явление можно объяснить тем, что «систематизированное представление генеративного ядра языка, включающего ограниченный набор структур, позволяет создавать бесконечное количество высказываний...» [13, с. 166].

Неотделимость фонограмматики от фоносемантики в арабском языке объясняется тем, что та ассоциация звука со смыслом в корнеформах продолжает действовать на втором уровне языка – морфонологии, при которой звуковые количественные изменения значимых консонантов выражают морфонологические значения. Данное явление отчетливо проявляется при выражении существительных действующего лица и причастия действительного залога. При этом увеличивается звуковое количество первого ключевого консонанта корнеформы. На него падает основная нагрузка выразить морфонологическую категоризацию посредством изменения его звукового количества, управляемого чередующимися гласными, например *qa.ta.ʿa*

поэтому на него падает основная нагрузка выражения ассоциации на основе уподобления движения органов речи, произносящих первый консонант к началу действия, осуществляемого субъектом. Второй консонант корнеформы поддерживает первый консонант при реализации ассоциации. Таким образом, выдыхательный поток воздуха еще раз отрывается прикосновением середины языка к среднему местечку неба рта при произношении второго консонанта корнеформы *qa.t.ʿa* «резать» – /t/. При этом отчетливее проясняется уподобление движения органов речи физическому действию субъекта. Для резания чего-то иногда требуются несколько соприкосновений к материалу, чтобы его резать. Первые два консонанта корнеформы устанавливают основную часть ассоциации звука со смыслом, а третий консонант уточняет, определяет и конкретизирует ассоциацию. Следовательно, последний консонант корнеформы *qa.t.ʿa* «резать» /ʿ/, выходящий из дна горла, нигде не преграждается. За ним следует гласный /a/, а последний гласный произносится без преград, что означает полное осуществление резания, как и полного произношения звуков данной корнеформы, поскольку за последним звуком /a/ не следует согласный, для произношения которого органы речи соприкасаются. Поэтому изменение последнего консонанта корнеформы есть частичное изменение ассоциации звука со смыслом. При этом основное уподобление движения органов речи физическому действию субъекта, выраженному первыми двумя консонантами корнеформы *qa.t.ʿa* «резать», все-таки сохраняется: ср. *qa.t.ʿa* «резать полностью», *qa.taḥa* «рвать, собирать цветы, плоды – резать часть чего-то», *qa.taḥa* «хватать зубами, цапать, откусывать», *qa.taḥa* «отделять кусочек, резать кончик – резать кусочек». Следовательно, корнеформа есть определенное сочетание консонантов, произношение которых ассоциируется со смыслом. Корнеформа отличается от словоформы тем, что в ней заложена фоносемантика слова, а словоформа есть изменение количественного звучания корнеформы типа *qa.ta.ʿa* «резать» → *qā.ti.ʿ* «режущий» → *qā.ti.ʿān* «два режущих – имя сущ. м.р. дв.ч.», *qā.ti.ʿūn* «режущие – имя сущ. м.р. мн.ч.». По данному порядку расположения значимых консонантов корнеформ была написана книга «Айна», автором которой является Халил Бин Ахмед Фарахиди.

¹ Ассоциация звука со смыслом выражается полным уподоблением движения органов речи действию, осуществляемому субъектом. Итак, в корнеформе *jarafa* «уносить, умывать, о потоке» колебание выдыхательного воздуха при произношении ключевого звука /j/ вызвано колебательным давлением воздуха, который уносит препятствующий выдоху язык от ротового проходчика, после того как язык прикоснулся к небу, что уподобляется колебательному нестабильному потоку, который уносит препятствующие ему вещи под давлением течения воды. Произношение второго консонанта корнеформы /r/, при котором кончик языка передвигается, уподобляется повторяющемуся нестабильному потоку воды. Движение органов речи при произношении третьего конкретизирующего консонанта /f/ уподобляется тому результату нестабильного повторяющегося потока, уносящего то, что препятствует его течению, т.е. при произношении звука /f/ нижняя губа выходит из-под верхних зубов под давлением нестабильного продолжающегося выдыхания. Она прикасается к верхним зубам в начале образования звука /f/, а выдох выдавливает ее. Уносящий поток умывает, размывает то, что стоит на пути из места, как выдавливание нижней губы из-под верхних зубов – эта ассоциация звука со смыслом в корнеформе *jarafa* «уносить, умывать, о потоке». Семантическая фонограмматическая ассоциация корнеформ осуществляется количественным изменением значимых консонантов посредством чередования гласных, в результате которого корнеформы фонограмматически категоризируются по родам, числам и падежам – *jarafa* «уносить, умывать, о потоке – неопр. ф. гл.» → *jūriḥa* «был унесен, умыт, о потоке – прич. страд. залога м.р. ед.ч.» → *jāriḥ* «уносящий, умывающий, о потоке – сущ. и прич. действ. залога м.р. ед.ч.» → *jāriḥān* «два уносящих – сущ. и прич. страд. залога дв.ч. м.р.» → *jāriḥātān* «два уносящих – сущ. и прич. страд. залога дв.ч. ж.р.» → *n jāriḥātēin* «о двух уносящих – сущ. и прич. дв.ч. ж.р. пред. п.».

Интересно заметить, что при дв.ч. удваивается весь звуковой состав корнеформы путем последнего долгого /ā/ как дв.ч. в старорусском языке – два *кружк* (ā) [1; 6]. Следовательно, фоносемантическая ассоциация служит основной базой семантической фонограмматики, поскольку грамматические значения языка выражаются количественным изменением значимых консонантов корнеформы.

«резать – неопр. ф. гл.» → *qā'ū* ' «режущий – сущ. и прич. действ. залога ед.ч. м.р.», *jarafa* «уносить, умыть, о потоке – неопр. ф. гл.» → *jārif* «уносящий, умывающий, о потоке – сущ. и прич. действ. залога ед.ч. м.р.», *kataba* «писать – неопр. ф. гл.» → *kātib* «писатель – сущ. и прич. действ. залога ед.ч. м.р.». Видно, что долгий гласный /ā/ позволяет первому консонанту произноситься дольше, что увеличивает количественный показатель звука, уподобляющегося физическому действию субъекта, а при уменьшении звукового количества посредством долгого /ū/ ослабляется его произносительная сила, поскольку долгий /ū/ не дает органам речи его произносить долго, что ослабляет его произносительную позицию. Поэтому ослабление произносительной силы ключевого консонанта корнеформы обозначает, что действие не в активном положении. Следовательно, данным ослаблением выражается причастие страдательного залога *jūrifā* «был унесен, умыт, о потоке – прич. страд. залога м.р. ед.ч.», *qā'ū'a* «был резан – прич. страд. залога ед.ч. м.р.». Другие консонанты корнеформы подстраиваются под ключевой консонантный звук, т.к. все они имеют равную гласную силу, установленную огласовками (*a-a-a*) в неопределенной форме глагола *kataba* «писать – неопр. ф. гл.», а при выражении действующего лица и причастия действительного залога первый консонант выступает в активном произносительном положении, другие уступают ему часть своей гласности, чтобы облегчить произношение слова *kātib* «писатель – сущ. и прич. действ. залога ед.ч. м.р.», **поскольку правильное изображать гласные не как отдельные звуки, а как модификации согласных** [5, с. 86]. Но важным феноменом представляется морфонологическая категоризация корнеформ в результате изменения звукового количества значимых консонантов. Данное изменение есть не только фоносемантическое явление, но и фонограмматическое, поскольку корнеформы категоризируются по родам, числам и падежам: ср. *qa'ta'a* «резать – неопр. ф. гл.» → *qā'ū* ' «режущий – сущ. и прич. действ. залога м.р. ед.ч.», *jarafa* «уносить, умыть, о потоке – неопр. ф. гл.» → *jūrifā* «был унесен, умыт, о потоке – прич. страд. залога м.р. ед.ч.» → *jārif* «уносящий, умывающий, о потоке – сущ. и прич. действ. залога м.р. ед.ч.» → *jārifatān* «два уносящих – сущ. и прич. действ. залога дв.ч. ж.р. им.п.» → *'n jārifatein* «о двух уносящих – сущ. и прич. действ. залога дв.ч. ж.р. пр. п.», *kataba* «писать – неопр. ф. гл.» → *kātib* «писатель, пишущий – сущ. и прич. действ. залога м.р. ед.ч.». Таким образом, арабский язык отличается «...методом своего построения от многих грамматик других языков и образует самостоятельную традицию грамматического описания» [2, с. 128]. Данное отличие заключается в точной ассоциации звука со смыслом и ассоциации фоносемантики с фонограмматикой. Эти ассоциации называются **тасрифом**¹ в арабском языке. Тасриф – означает флективно спрягать и склонять одно слово по разным формам одного и того же корня. Тасриф есть среднее звено между грамматикой и языком, они его делят. Он употребляется для того, чтобы установить устойчивые слова, а грамматика применяется для осознания их изменяемых корнеформ, поэтому желающим знать грамматику необходимо понять тасриф, поскольку установить устойчивую сущность вещи должно быть началом для осознания ее изменяемых словоформ [23, р. 4-5]².

Если тасриф раскрывает устойчивую сущность (неизменный корень) слов на всех языковых уровнях, то механизм тасрифа выявляет неделимую фонограмматическую связь между языковыми уровнями, т.к. он есть флективное выражение грамматических значений. При этом можно раскрыть фонограмматическую сложность, существующую в арабском языке, по которой арабу легче владеть индоевропейским языком, чем индоевропейцу арабским³. Данная фонограмматическая сложность представляет собой дилемму **принципов флективной прогрессивной интеграции языковых уровней**, связанную с арабским тасрифом – арабской флексией.

¹ В арабском языке тасриф отличается от сарфа тем, что второй рассматривает только морфонологические значения слова типа араб. *falaša* «разрушить» → *fūliša* «был разрушен», *jild* «кожа – сущ. м.р. ед.ч.» → *julūd* «кожи – сущ. м.р. мн.ч.»; рус. *берег* → *берега*, и англ. *foot* → *feet*, *tooth* → *teeth*, *mouse* → *mice*, *come* → *came*, *eat* → *ate*. Тасриф включает в себя: 1) сочетание консонантов корнеформ, т.е. первый этап их создания – минимальный уровень языка (фонетический), в котором происходит ассоциация звука со смыслом; 2) семантическую морфонологическую ассоциацию между корнеформами, при которой посредством количественного изменения консонантных звуков корнеформы категоризируются семантически и морфонологически, типа *qa'ta'a* «резать – неопр. ф. гл.» → *qā'ū* ' «режущий – сущ. и прич. действ. залога м.р. ед.ч.», *jarafa* «уносить, умыть, о потоке – неопр. ф. гл.» → *jūrifā* «был унесен, умыт, о потоке – прич. страд. залога м.р. ед.ч.»; 3) фоносинтаксис, при котором путем изменения количественного звукового количества консонантов выражаются синтаксические значения – *jārifatān* «два уносящих – сущ. дв.ч. ж.р.» → *'n jārifatein* «о двух уносящих – сущ. и прич. действ. залога дв.ч. ж.р. пр. п.».

² Ибн джины является одним из самых выдающихся лингвистов арабского языка. Ибн джины умер в Багдаде (392 Хиджре), оставив много известных трудов в области арабского языкознания: «Секрет создания склонения», «Сокращение тасрифа (флексии)», «Мотивы двойственности», «Книга тасрифа», «Особенности», «Справедливое для книги тасрифа» и десятки других (данные названия переведены авторами с арабского языка – Р. А. А., Х. Д. А.).

³ Араб осознает семантические различия между корнеформами по консонантам (типа *'ašara* «жать, жать сок из лимона») и «боль сжимает ему сердце», *'ašaba* «повязывать, накладывать повязку (напр. рану), повязывать себе голову», *'ašafa* «сильно дуть, бушевать, уносить кого-то под сильным давлением»), а индоевропейец осознает подобные различия по разным морфемам. Все морфологические значения арабского языка осознаются по количественному изменению консонантных звуков корня, как *kataba* «писать – неопр. ф. гл.» → *kātib* «писатель – сущ. и прич. действ. залога ед.ч. м.р.». В индоевропейских языках морфологические значения в большинстве случаев выражаются суффиксацией – *write* «писать» → *writer* «писатель». Синтаксические значения арабского выражаются фонетическим характером языка – *jārifatān* «два уносящих – сущ. дв.ч. ж.р. им.п.» → *'n jārifatein* «о двух уносящих – сущ. дв.ч. ж.р. пр. п.», а в индоевропейских языках синтаксические значения не всегда выражаются фонетически, возможно и отсутствие фонетических маркеров синтаксиса, они иногда осознаются контекстуально (типа *I saw the men* «я увидел / увидела мужчин», *I talked to the men* «я говорил / говорила с мужчинами»), *You left with the men* «ты / вы ушел / ушла / ушли с мужчинами». Поэтому арабу легче переходить от сложного – арабского к простому – индоевропейскому, а индоевропейцу сложно переходить от простого – индоевропейского к сложному – арабскому, т.к. арабский маркирует каждый языковой элемент по родам, числам и падежам.

Происхождение арабского тасрифа

Тасриф является основной сутью фонограмматики, под которой можно понять способ выражения всех семантических и грамматических значений за счет фонетического характера арабского языка. Фоносемантика тасрифа раскрывает строй арабской фонограмматики, т.к. в составе термина участвуют три основных консонанта /š-r-f/, посредством которых раскрывается ассоциация их звуков со смыслом, выявляющим тасриф, а четвертый консонант /t/ семантически нейтрализуется¹, он выражает грамматический механизм тасрифа. Фоносемантика данных консонантов обнаруживает суть тасрифа, который вместе с термином (омонимом) *tašrif* «мена денег» ассоциируются с корнеформой *šarafa*, поскольку /š-r-f/ есть «весы, справедливое измерение, справедливость, и равная стоимость» [26, р. 189-193]. Движение органов речи при произнесении данных звуков уподобляется действую, осуществляемому субъектом: 1) стойкости порядка количественно изменяемых консонантов с сохранением общего значения корнеформы при фонограмматике – *kitāb* «книга» → *kutūb* «книги», *jild* «кожа» → *julūd* «кожи», *kabīr* «большой» → *kibār* «большие», *dars* «урок» → *durūs* «уроки»; 2) стойкости общей стоимости меняемой купюры или монеты при мене – один динар = 50 дирхемов, 30 дирхемов, 20 дирхемов (общая стоимость – сто дирхемов).

При произношении звука /š/, язык держится на месте, а верхние и нижние зубы так сильно закрывают рот, что воздух может проходить только через щелки между зубами. Губы сильно отодвигаются друг от друга, что гарантирует стойкий равный поток воздуха из легких до того, как проходит через щелки сильно приближающихся друг к другу зубов. Движение органов речи, произносящих /š/, уподобляется: 1) стойкому порядку консонантов фонограмматически категоризированной корнеформы; 2) стойкой непоколебимой стоимости меняемой купюры/монеты при тасрифе. Следовательно, стойкость порядка консонантов при фонограмматической категоризации *šarafa* «уносить, умыть, о потоке» → *jūrifā* «был унесен, умыт, о потоке» → *īrif* «уносящий, умывающий о потоке» уподобляется стойкому движению органов речи, производящему стойкий поток воздуха при произношении звука /š/ в корнеформе *šarafa*. Стойкость общей стоимости меняемой купюры/монеты при мене также уподобляется стойкому движению органов речи, произносящих звук /š/ в корнеформе *šarafa* «менять деньги», т.к. семантика мены денег в арабском языке связана с корнем *šarafa* – один рубль = 50 копеек, 30 копеек, 20 копеек (общая стоимость – сто копеек). Движение органов речи при произношении звука /š/ осуществляет ассоциацию звука со смыслом «стойкость» не только в корнеформе *šarafa*, но и в других арабских корнеформах. Таким образом, *šamada* «стойко выдержать, устоять», *šara* «связывать (завернутое в кусок материи), настаивать, твердо стоять», *šadaqa* «говорить правду, не меняя фактов, быть правдивым», *šalada* «быть твердым», *šabara* «быть терпеливым, переносить, воздерживаться» и др.

Фоносемантическая ассоциация стойкости, выраженная первым консонантом корнеформы *šarafa*, повторяется и продолжается ее **вторым консонантом** /r/. Когда произносим /r/, кончик языка передвигается, что уподобляется: 1) повторной стойкости порядка консонантов любой корнеформы при повторном изменении звукового количества консонантов в результате чередования гласных при спряжении, морфологической категоризации и склонении – *razama* «упаковывать» → *arżumu* «я упаковываю – первое лицо м.р. ед.ч. наст. вр.» → *tarżumu* «она упаковывает – третье лицо ж.р. ед.ч. наст. вр.» → *razamā* «упаковали – третье лицо дв.ч. м.р. прошед. вр.» → *razamatā* «упаковали – третье лицо дв.ч. ж.р. прошед. вр.» → *rāzim* «упаковщик, упаковывающий – сущ. и прич. действ. залога м.р. ед.ч.» → *rāzimat* «упаковщица, упаковывающая – сущ. и прич. действ. залога ж.р. ед.ч.» → *razm* «упаковывание – сущ. м.р. ед.ч.» → *rāzimān*² – «упаковщики, упаковывающие – сущ. и прич. действ. залога дв.ч. м.р.» → *n rāzimein* «о двух упаковщиках, упаковывающих – сущ. и прич. действ. залога дв.ч. пр. п.» → *rāzimūn* «упаковщики, упаковывающие – сущ. и прич. действ. залога мн.ч. м.р. им.п.» → *li rāzimīn* «упаковщикам, упаковывающим – сущ. и прич. действ. залога мн.ч. м.р. д.п.»; 2) повторной стойкости общей стоимости меняемой купюры/монеты при мене – один рубль может состоять из 60 копеек, 30 копеек, 10 копеек и может состоять из 50 копеек, 40 копеек, 10 копеек. Возможен и обратный порядок, т.е. 60 копеек плюс 30 копеек плюс еще 20 копеек будет рубль (общая стоимость рубля сохраняется, т.е. сто копеек – не больше и не меньше). Следовательно, первые два консонанта корнеформы *šarafa*

¹ Арабский корень в большинстве случаев состоит из трех согласных, а звуки, собранные в словах *tashīl ua 'amān* «облегчение и безопасность», облегчают выражение чисто грамматического значения (как артикль *al*), не подвергая основных трех консонантов корнеформы разложению ассоциации звука со смыслом. Выступая в роли нейтрального грамматического звука, /t/ есть чисто грамматический звук, не связанный с семантикой, выраженной основными консонантами корнеформы. Звук /t/ в данном случае, т.е. в корнеформе тасриф, выражает возвратность – самопроизвольное действие – самопроизвольную фонограмматическую категоризацию корнеформ путем количественного изменения консонантных звуков в результате чередования гласных, примыкающих к ним без присоединения аффикса, в основе которого лежит самостоятельное слово, превратившееся со временем в аффикс [8, с. 34] типа русского *-ка* в словах *стиралка* от стиральной машины, *уголовка* от уголовного дела / уголовного преступления и английского *-er* в словах *maker* от *make*, *freezer* от *freeze*, т.е. *-er* означает *doer*. Звук /t/ в качестве нейтрального грамматического звука может выразить: 1) возвратность действия *falaša* «разрушить» → *tafalaša* «разрушиться», *tafīš* и *tafaluš* «разрушение», *fatata* «крошить», *tafatata* «крошиться» → *tafatut* и *tafītū* «крошение, разрушение»; 2) взаимность действия *sādaqa* «дружить» → *tasādaqa* «подружиться», *'ānaqa* «обнимать» → *ta 'ānaqa* «обниматься», *badala* «изменить» → *tabadala* «измениться»; 3) женский род *kātib* «писатель» → *kātibat* «писательница». Звук /t/ может выразить женский род и возвратность действия одновременно *tarasalatā* «переписались – дв.ч. ж.р. прош. вр.» и др.

² Консонант /n/ в данном случае является нейтральным грамматическим звуком, выражающим удвоенный танвин, т.е. один из маркеров дуализма в арабском языке. /n/ – один из звуков *tashīl ua 'aman* «облегчение и безопасность», представляющих собой единственные звуки, выражающие чисто грамматические значения в арабском языке. Ибн джины установил, что нунация в двойственном числе есть удвоенный танвин [25].

/ʃ-r/ выражают фоносемантическую ассоциацию: 1) стойкого движения органов речи при произношении /ʃ/ со стойким порядком консонантов корнеформы и со стойкостью общей стоимости меняемой купюры/монеты; 2) передвижения кончика языка при произношении /r/ с повторным изменением звукового количества консонантов, выражающим разные семантические и фонограмматические значения, и с повторным изменением разной стоимости мелких денежных единиц, составляющих общую стоимость меняемой купюры. Движение органов речи при произношении консонанта /r/ выражает повторное действие не только в корнеформе *ʃarafa*, но и в других арабских корнях – *rajafa* «дрожать», *radama* «засыпать, заваливать», *rajaħa* «перевешивать, перетягивать», *rajaħa* «побить камнями», *raqama* «расставлять знаки, точки» и др.

Последняя часть ассоциации звука со смыслом в корнеформе *ʃarafa* выражается **третьим консонантом** /f/. При произношении звука /ff/ край нижней губы уходит из-под верхних зубов под давлением продолжающегося выдыхания после того, как они прикоснулись (край нижней губы к верхним зубам), и воздух ровно распределяется. Распределение стойкого потока воздуха уподобляется: 1) распределению звуковой гласной силы по стойким повторяющимся консонантам в результате чередования гласных – *jarafa* «уносить, умывать, о потоке – неопр. ф. гл.» → *jūriḥa* «был унесен, умыт, о потоке – прич. страд. залога м.р. ед.ч.» → *jāriḥ* «уносящий, умывающий, о потоке – прич. действ. залога м.р. ед.ч.», т.к. консонант и гласный в слог произносятся как одно целое [5, с. 86-89]; чередование гласных влияет на звуковое количество консонантов; 2) распределению стойкой стоимости меняемой купюры/монеты по разным купюрам/монетам, сумма которых есть общая стоимость меняемой купюры/монеты – один рубль может состоять из 60 копеек, 30 копеек и 10 копеек (общая стоимость будет сто копеек). Движение органов речи при произношении звука /ff/ ассоциируется с **общим смыслом распределения, разъединения** не только в корнеформе *ʃarafa*, но и в других арабских корнеформах – *ḥaraḥa* «разъединить, разводить», *ḥaraḥa* «отделять, выделять, сортировать», *ḥarama* «крошить, резать на куски», *ḥarada* «делать зарубки на дереве», *ḥarafa* «разбирать содержимое желудка и кишок животного».

Распределение гласной произносительной силы стойкого повторяющегося воздуха по устойчивым консонантам корнеформы производит разные семантические и фонограмматические изменения – *razama* «упаковывать» → *arzumu* «я упаковываю – первое лицо м.р. ед.ч. наст. вр.» → *tarzumu* «она упаковывает – третье лицо ж.р. ед.ч. наст. вр.» → *razamā* «упаковали – третье лицо дв.ч. м.р. прошед. вр.» → *razamatī* «упаковали – третье лицо дв.ч. ж.р. прошед. вр.» → *rāzīm* «упаковщик, упаковывающий – сущ. и прич. действ. залога м.р. ед.ч.», т.к. в результате чередования гласных звучание консонантов меняется, а разные звучания есть разные значения [21, р. 24-30]. При этом можно установить тонкое совпадение между тасрифом корней – «фонограмматикой» и тасрифом денег – размером денег. Распределение общей стоимости меняемой купюры производят купюры/монеты разной стоимости – один рубль может состоять из 60 копеек, 30 копеек, 10 копеек. Распределение гласной произносительной силы не происходит произвольно, а по тонким фонетическим балансам¹, организуемым чередования гласных, придающих консонантам способность произноситься по-разному в зависимости от гласной силы, придаваемой консонанту как результату чередования. Итак, для образования неопределенной формы глагола употребляются установленные фонетические балансы, чаще всего баланс *fa'ala* – *ʃaraba* «пить», т.е. гласная сила консонантов корнеформы должна соответствовать гласной силе баланса. Для образования существительного со значением действующего лица и причастия действительного залога от *ʃaraba* «пить» гласные неопределенной формы *ʃaraba* чередуются по происходящим между ними балансам. Баланс *fa'ala* для неопределенной формы глагола чередуется с балансом *fā'il*, определяющим звуковое количество консонантов действующего лица и причастия действительного залога *šārib* «пьющий». Следовательно, распределение стойкого повторяющегося потока воздуха при тасриф арабских корнеформ – фонограмматике – осуществляется по фонетическим балансам. Распределение общей стоимости меняемой купюры/монеты осуществляется по тем логическим стоимостям, на которые может распределяться общая стоимость меняемой купюры/монеты. В результате распределения общей стоимости меняемой купюры имеют место разные монеты/купюры с разными осознанными стоимостями, как и в результате распределения гласной произносительной силы по консонантам корнеформы создаются разные фонограмматические значения. Именно по этим правилам действуют арабский тасриф – фонограмматика и мена денег, связанные с корнеформой *ʃarafa*.

О механизме тасрифа

Встает вопрос о том, как могут чередующиеся гласные влиять на изменение звукового количества консонантов, в результате которого корнеформы приобретают новые значения. Халил бин Ахмед Фарахиды ответил на этот вопрос. Он установил, что «...языку трудно произносить консонант, поэтому он нуждается в средстве его выдоха – гласном» [20, р. 11-12]. Слог в арабской корнеформе есть одно фонетическое целое, именно поэтому чередование гласных определяет ту произносительную силу, от которой зависит звуковое количество консонанта. Текучесть гласного звука делает консонант живее и гибче, поскольку «гласные текучи, согласные тверды. Согласные можно назвать костью и плотью языка, гласные же – тем, что орошает и живит твердые части кровью и дыханием» [4, с. 199]. Специфическая арабская письменность, при которой огласовки пишутся над / под согласными, дает носителю арабского языка возможность осознать изменения семантического и фонограмматического значения количественно изменяемого консонанта – *jarafa* «уносить, умывать, о потоке – неопр. ф. гл.» → *jūriḥa* «был унесен, умыт, о потоке – прич. страд. залога м.р. ед.ч.», т.к. гласный и консонант произносятся как

¹ Арабские балансы есть фонограмматические балансы, обуславливающие чередования гласных при арабском тасриф – флексии. Суть данных балансов заключается в том, что для всякого звука баланса в каждой корнеформе должен быть звук, равный ему по звучанию, т.е. для каждого консонанта в балансе есть равный ему по звучанию консонант в корнеформе, также и для гласных.

один звук, т.е. гласный не рассматривается как отдельный звук, а просто как модификация консонанта. Данная специфичность арабской письменности раскрывает фонетический строй арабского тасрифа. Это объясняется тем, что «... в слого заключены не два или несколько звуков, как мы привыкли видеть на письме, а собственно лишь произнесенный определенным образом звук», и «в действительности согласный и гласный взаимно определяют друг друга таким образом, что воспринимаются слухом в неразрывном единстве. Для того чтобы и на письме обозначать эту естественную связь, было бы правильнее изображать гласные не как отдельные буквы, а лишь как модификации согласных, как это принято в целом ряде азиатских алфавитов» [5, с. 86-87].

Следовательно, чередование гласных звуков в корнеформах приводит к изменению звукового количества всего слога и в конце концов всех слогов корнеформы, в которой консонанты ассоциируются со смыслами, что придает ей новые семантические и фонограмматические изменения в рамках общего свойственного ей значения – *jarafa* «уносить, умыть, о потоке – неопр. ф. гл.» → *jārif* «уносящий, умывающий, о потоке – сущ. и прич. действ. залога м.р. ед.ч.». Чередование гласного /a/ в первом слоге *jarafa* с долгим гласным /ā/ в *jārif* придает ключевому консонанту /j/ дополнительную произносительную силу, т.к. долгота гласного /ā/ позволяет дольше произносить консонант /j/, чем /a/, а с ключевым консонантом /j/ ассоциируется смысл «колебание, нестабильность». Второй консонант уступает первому часть своей произносительной силы, поскольку /a/ во втором слоге *jarafa* произносится дольше чередующегося с ним гласного /i/ в *jārif*, а третий консонант /f/ полностью уступает свою гласность первому при образовании *jārif* «уносящий, умывающий, о потоке» – сущ. и прич. действ. залога м.р. ед.ч. Долгота гласного, полученная в результате чередования гласных, придала первому консонанту способность произноситься дольше, что заставляет органы речи работать интенсивнее при произношении звука /j/. С первым консонантом ассоциируется смысл «колебания, нестабильность», характерный для уносящего, умывающего потока, что показывает, что действие колебания в активном состоянии умывания – *действующее* с точки зрения ассоциативной семантики, неотделимой от фонограмматики. Результат данных чередований придал новой корнеформе *jārif* фонограмматические свойства «причастие действительного залога мужского рода единственного числа именительного падежа». Активность действия была придана корнеформе *jārif* как результат ассоциации активно произнесенного консонанта /jā/ со смыслом *действующего лица*. Звук /j/ является ключевым, на который падает основная нагрузка – осуществление ассоциации звука со смыслом в *jārif*. Мужской род, единственное число и именительный падеж приобретаются по балансу *fā'il*, обозначающему причастие действительного залога и сущ. действующего лица мужского рода единственного числа именительного падежа. С данным арабским явлением сходится общая языковая натура, для которой характерно приобретение словом мужского рода единственного числа именительного падежа как первоначального результата словообразования: *учить* → *учитель* → *учительница*, *читать* → *читатель* → *читательница*, *упаковать* → *упаковщик* → *упаковщица*, *make* → *maker*, *do* → *doer*, *clean* → *cleaner*.

Ослабление произносительной силы ключевого консонанта в корнеформе *jūrifā* «был унесен, умыт, о потоке», образованной от *jarafa* «уносить, умыть, о потоке – неопр. ф. гл.», в результате чередования гласного /ū/ с /a/ в первом слоге привело к уменьшению гласности первого слога, с которым связывается ассоциация звука со смыслом. Итак, ослабленное колебательное движение органов речи, произносящих ключевой консонант /j/, показывает, что долгий гласный *ā* утратил часть своей произносительной силы в результате чередования с *ū* и потерял ослабление, что ассоциируется со смыслом страдательного залога по семантической фонограмматике – «деепричастие страдательного залога» *jūrifā* «был унесен, умыт, о потоке – прич. страд. залога м.р. ед.ч.» по балансу *fū'ila*, установленному для выражения причастия страдательного залога мужского рода единственного числа.

Следовательно, от количества звука консонантов зависит не только семантика корнеформы, но и ее фонограмматические маркеры. Самым ярким примером этого явления может служить двойственное число, при котором удваивается весь звуковой состав корнеформы – *razama* «упаковать – неопр. ф. гл.» → *razamā* «упаковали – третье лицо дв.ч. м.р. прошед. вр.» → *razamatā* «упаковали – третье лицо дв.ч. ж.р. прошед. вр.»; *kitāb* «книга» → *kitābān* «две книги», *jild* «кожа» → *jildān* «две кожи», *kabīr* «большой» → *kabīrān* «два больших», *dars* «урок» → *darsān* «два урока». Долгий гласный /ā/ в последнем слоге корнеформы удваивает весь ее консонантный состав, а звук /n/ есть удвоенный танвин «нунация». Долгий гласный /ā/ удваивает консонантный состав не только в арабском языке, но и в старорусском – *два крушк(ā)*, *два годā* [6] и аккадском – *ak. šiptān lā iattān* «эти два заклинания – не мои» [7, с. 130].

Итак, от количества звука зависит движение органов речи – физиологическое действие, способствующее человеческому восприятию осознать семантические и фонограмматические изменения в корнях арабского языка, т.к. «звуки речи произносятся нашими органами речи, которые сами приводятся в движение нашей нервной системой. Легкие производят выдох, который может в определенных условиях приходиться в колебательное состояние, вызывающее ощущение звука. В момент вдоха, когда звукообразование прекращается, получается физиологическая пауза, которую мы используем для выражения членения мысли» [17, с. 26].

Количество звука в арабском языке играет значительную роль при выражении семантических и фонограмматических изменений. В результате чередования гласных, организованного балансами, изменяется звуковое количество консонантного звука, ассоциируемого со смыслом, что приводит к выражению всех языковых значений фонограмматически. Другими словами, механизм арабского тасрифа зависит от *количества звука* стойких консонантов корнеформы, ассоциирующихся со смыслами, т.к. «...звук в слове есть средство объективировать мысль, ставить и удерживать ее перед собою, как предмет, подлежащий действию следующей мысли. Затрата силы на произношение звука в речи оправдывается лишь в той мере, в какой без звука невозможно удерживать перед собою значение. Чем слабее энергия мысли, тем более она нуждается в звуке как внешней опоре» [14, с. 65].

Принцип сочетания консонантов корня (проверочный принцип)

Безусловно, арабские корни обладают уникальной способностью словообразования, т.к. фонетическая структура корня обуславливает определенный порядок консонантов, с которым связывается семантическая фонограмматика. При этом выясняется способность консонантов сочетаться друг с другом, чтобы создать арабскую корнеформу, в которой происходит ассоциация звука со смыслом. Сочетаемые консонанты обладают следующими признаками, характерными для арабского глагола: 1) способность первых двух консонантов выразить основное значение корнеформы: *ʿaṣara* «жать, типа жать сок из лимона» и «боль сжимает ему сердце», *ʿaṣaba* «повязывать, накладывать повязку (напр. рану), повязывать себе голову», *ʿaṣafa* «сильно дуть, бушевать, уносить сильным потоком» – основное значение «сжатие, давление»; *qaṭʿa* «резать, отрезать», *qaṭafa* «рвать, собирать цветы, плоды, снимать», *qaṭama* «хватать зубами, цапать, откусывать», *qaṭaṣa* «отделять кусочек, резать кончик» – основное значение «резать»; *farāqa* «разъединить, разводиться», *farāza* «отделять, выделять, сортировать», *farāma* «крошить, резать на куски», *farāda* «делать зарубки, о дереве», *farāta* «разбирать содержимое желудка и кишок животного» – основное значение «разъединение, распределение»; 2) роль третьего консонанта в уточнении, определении и конкретизации значения первых двух консонанта, выражающих основное значение арабской корнеформы: *ʿaṣara* «жать, типа жать сок из лимона» и «боль сжимает ему сердце», *ʿaṣaba* «повязывать, накладывать повязку (напр. рану), повязывать себе голову», *ʿaṣafa* «сильно дуть, бушевать, уносить кого-то под сильным давлением»; *qaṭʿa* «резать, отрезать», *qaṭafa* «рвать, собирать цветы, плоды, снимать», *qaṭama* «хватать зубами, цапать, откусывать», *qaṭaṣa* «отделять кусочек, резать кончик»; 3) сохранение общего значения при перестановке одних и тех же консонантов корнеформы: *ʿaṣara* «давить, жать», *ṣaraʿa* «сдавливать, сбить», *raʿaṣa* «трясти головой от сжимающей боли» – сжатие, давление; *kabata* «зажимать как в тисках, подавлять»; *kataba* «писать, отображать звучание в собранном письменном виде», *bakata* «побеждать в споре, после того как собрать доводы» – общее значение «держаться в каком-то положении, форме»; 4) образование корнеформ по фонетическим балансам арабского языка, чаще всего баланс *faʿala* – *jarafa* «уносить, умыть, о потоке», *kabara* «стать большим» и др.; 5) способность устойчивых консонантов корня на количественное изменение звука в результате чередования гласных, с помощью которых выражаются все семантические и грамматические изменения – *kabara* «стать большим», *kabūra* «стал большим», *kūbira* «сделан большим», *kabīr* «большой», *kubrā* «самая большая», *kibār* «большие», *kubr* «величина».

По данному принципу сочетаются только те консонанты, совокупность которых есть скелет арабского глагола, способного на количественные изменения звука, выражающие все языковые значения и проверяемые на языковую исконность. Эту исконность можно проверять посредством критерия Ибна Фарса [22]. По данному критерию общее значение корня сохраняется даже при перестановке его консонантов – *jarafa* «уносить, умыть, о потоке», *rajafa* «трясти», *faraja* «приоткрывать, освобождать, решаться». *Faraja* в арабском языке обычно выражает «выход из какой-то ситуации после того, как человек отчаивается» (общая семантика «нестабильное действие»). Данный принцип образует арабскую систему самозащиты от потери языка и от подчинения правилам других языков, т.к. стойкое сочетание консонантов сохраняется на всех уровнях языка, что служит прочной базой фонограмматической и фоносинтаксической категоризации – флективной интеграции языковых уровней, т.к. консонанты устойчивы, а их количественные изменения выражают все языковые значения.

Принцип звукового количества корней

В зависимости от ассоциации звука со смыслом определяются консонанты, создающие корень, т.к. звучание каждого консонанта ассоциируется с определенным действием субъекта, а совокупность ассоциаций консонантов корня обуславливает его семантику. Колебательное состояние органов речи, вызывающее смыслоразличительное ощущение звука, зависит от звукового количества гласного, управляющего консонантом, т.к. физиологические паузы, используемые для членения мысли, неотделимо связаны с количеством слогового звука, долгота/краткость которого зависит от гласного.

Корнеформы различаются по звуковому количеству консонантов, т.к. долгота/краткость гласного, прилегающего к консонанту в слогах, обуславливает физиологические паузы, с которыми связывается смыслоразличительное ощущение – *kabīr* «большой», *kubrā* «самая большая», *kibār* «большие», *kubr* «величина». Итак, сочетаемые консонанты корня приобретают свое звуковое количество первоначально по балансу *faʿala*, выделяющему каждому консонанту гласную произносительную силу *a-a-a* типа *ṣaraba* «пить», *kabara* «стать большим» и многие другие.

В результате сочетания консонантов корня и выделения их звукового количества по балансу маркируется категория арабского инфинитива, семантика которого зависит от ассоциации звука со смыслом и звукового количества консонантов. При этом первый принцип – сочетание консонантов корня, при котором осуществляется ассоциация звука со смыслом, и второй, определяющий звуковое количество консонантов, взаимодействуют прогрессивно, поскольку по первому устанавливается консонантное сочетание, а по второму выделяется его голосовая энергия.

Данная последовательная прогрессивность гарантирована тем, что строй консонантов, образующих арабский корень, никогда не нарушается и не утрачиваются свойства, приобретенные по первому принципу, они сохраняются во всех следующих принципах и на всех языковых уровнях.

Второй принцип, при котором консонантам корня выделяется гласная голосовая энергия, с помощью которой осознаются смыслоразличительные ощущения, не трогает свойств, приобретенных по первому принципу. Вторым принципом дополняется работа первого, придавая консонантам ту гласную произносительную силу, по которой выделяется грамматическая категория глагола «неопределенная форма глагола», служащая

исходной базой для дальнейших флективных категоризаций по чередующимся фонетическим балансам *fa'ala – jaraḡa* «уносить, умыть, о потоке – неопр. ф. гл.» → *fū'ila – jūrifa* «был унесен, умыт, о потоке – прич. страд. залога м.р. ед.ч.», тем самым осознаются семантические изменения, происходящие в результате изменения физиологических пауз, используемых для выражения членения мысли, поскольку чередования гласных меняют звуковое количество консонантов, звучание которых осуществляет ассоциацию звука со смыслом – *jārif* «уносящий, умывающий, о потоке – сущ. и прич. действ. залога м.р. ед.ч.».

При этом арабский язык отказывается от подчинения иностранных слов арабским правилам тасрифа, что составляет языковую систему самозащиты. В русском языке можно усвоить английский глагол *like* «лайкать», а в арабском такого усвоения не допускается. Арабу сразу будет понятно, что данный глагол не-арабский. Еще интереснее, что араб не станет его спрягать по правилам арабского спряжения, потому что консонанты, образующие *like*, ни с чем не ассоциируются у араба, тем более невозможно сохранить общее значение этого глагола при перестановке консонантов. *Like* невозможно подчинить арабским балансам, по которым арабы понимают словообразовательное значение, также невозможно и приобретение данным глаголом фонограмматических признаков арабского глагола типа *katāba* «писать» → *kātūba* «был написан» → *kātib* «писатель».

Таким образом, прогрессивное взаимодействие обоих принципов придает арабскому языку иммунитет особого типа, при котором арабский защитил себя от потери флективного характера, и этим самым можно понять неизменность арабского корня путем сильного самозакрепления консонантного сочетания с первого языкового уровня до последнего.

Принцип морфонологической категоризации корнеформ

Суть данного принципа заключается в том, что он является продолжением двух предыдущих принципов, т.к. ассоциация звука со смыслом, происшедшая в первом принципе, не нарушается, а развивается в результате чередования гласных. Данные чередования вызывают изменения консонантных количественных звучаний корня, с которыми связываются изменения физиологических пауз, используемых для выражения членения мысли, тем самым осознаются семантические изменения корнеформ – *kitāb* «книга» → *kutūb* «книги», *jild* «кожа» → *julūd* «кожи», *kabīr* «большой» → *kibār* «большие», *dars* «урок» → *durūs* «уроки». Звуковое количество консонантов, выделенное на втором уровне, активно участвует в третьем принципе, т.к. оно служит материалом, управляющим семантическими и фонограмматическими изменениями корнеформ, поскольку чередования гласных обуславливают упорядоченные изменения звукового количества консонантов, с которыми связывается ассоциация звука со смыслом – *jaraḡa* «уносить, умыть, о потоке – неопр. ф. гл.» → *jārif* «уносящий, умывающий, о потоке – сущ. и прич. действ. залога м.р. ед.ч.».

Следовательно, звуковые количественные изменения консонантов корня выражают семантические и фонограмматические изменения, представляющие собой суть морфонологической категоризации арабских корнеформ, при которой арабский корень выступает в чистом виде (без морфем-аффиксов). Способность арабского корня выступать в чистом виде (*kabīr* «большой», *jild* «кожа», *dars* «урок», *ḡarb* «война», *sabaka* «сплавлять») отличает его от индоевропейского, т.к. «как известно, в древних, а также в значительной степени в новых индоевропейских языках корень слова почти никогда в им. падеже не выступает в чистом виде. Имя существительное в индоевропейских языках в им. падеже выступает как комплекс морфем, в котором корневая морфема осложнена другими морфемами, представленными показателями класса» [15, с. 47]. Выступление арабского корня в чистом виде способствует отчетливому выделению морфонологических процессов (*kabīr* «большой» → *kibār* «большие – мн. число м.р.», *jild* «кожа» → *julūd* «кожи – мн. число м.р.», *dars* «урок» → *durūs* «уроки – мн. число м.р.», *ḡarb* «война» → *ḡurūb* «войны – мн. число м.р.»). Сравнение арабского корня в чистом виде с его флектированными корнеформами раскрывает чистые морфонологические процессы арабского языка, поскольку звуковые количественные изменения всего консонантного состава корня в результате чередования гласных берут на себя функцию выразить морфонологические значения без присоединения значимых аффиксов.

Участие всего корневого состава в морфонологической категоризации арабских слов неопровержимо доказывает, что арабский корень нечленим. Он отличается от индоевропейского слова тем, что последнее расчленяется, и данное членение «...дает не только линейную картину морфемного строения слова, но и выявляет нормы словообразования, расчленяет целое и одновременно устанавливает принцип синтезирования и моделирования» [9, с. 117]. Если бы арабский корень был осложнен морфемами типа англ. *-er* (*classifier*, *teacher*, *maker*, *doer*, *breaker*), *-ation* (*liquidation*, *discrimination*, *classification*), *over-* (*overload*, *overdo*), в основе которых лежат самостоятельные слова [8, с. 34], то нарушился бы принцип флективной прогрессивной интеграции языковых уровней в арабском языке. Морфонологическая категоризация в арабском языке обуславливает незатронутость консонантного состава корня (жесткий порядок консонантов, сохранение значения корня посредством неприсоединения к нему аффиксов и др.). Устойчивость консонантного сочетания не позволяет дезорганизовать ассоциацию звука со смыслом, создаваемую в первом принципе и продолжающуюся до последнего языкового уровня, с одной стороны, с другой – она защищает стандартное звуковое количество консонантов, созданное по второму принципу от фонетического искажения, которое может быть причинено присоединением значимого языкового элемента к корню. Звуковое количество консонантов служит ориентировочной базой, по которой происходят дальнейшие чередования гласных по балансам.

Таким образом, незатронутость и нечленимость арабского корня представляет собой вид чистой морфонологической категоризации, т.к. «слово, модифицированное в своей грамматической форме при помощи изменения звука флексии, представляет собой целостность» [5, с. 343]. Неизменность арабского корня заключается в устойчивости порядка его консонантов, а морфонологизация происходит на основе изменения звукового

количества консонантов в результате гласного чередования, поэтому И. А. Мельчуку не удалось осознать этого. Данный вопрос был для него дилеммой, для решения которой он предложил: либо признать внутреннюю флексию типа *kabīr* – *kibār* специфической особенностью семитских языков, либо понять внутреннюю флексию как способ выражения значений посредством изменения корня и искать для нее особый термин [11, с. 28]. Отчетливо видно, что индоевропейское мышление И. А. Мельчука привело его к пониманию данного явления по постулатам индоевропейского строя языка, и он не смог осознать, что арабская морфонология понимается совсем по-другому. Араб понимает семантику корня по консонантному сочетанию звуков, а по изменению звукового количества устойчивого консонантного сочетания осознает морфонологическую категоризацию (*kabīr* «большой» – *kibār* «большие», *kataba* «писать» – *kūtiba* «был написан» – *kātib* «писатель»).

Данный механизм понимается *арабским строем языка*, отличающимся от того строя, по которому И. А. Мельчук понимает арабский язык, что составляет то языковое явление, на которое Л. В. Щерба мудро указал: «Наша беда... в том, что у нас лингвистическое мышление было подавлено индоевропейским строем языка...» [17, с. 103]. В индоевропейских языках слова могут быть осложнены морфемами, в основе которых лежит самостоятельное слово типа англ. *washing machine* → *washer* и рус. *уголовное дело* → *уголовка* и др., еще и могут иметь морфонологические образования типа англ. *foot* → *feet*, *tooth* → *teeth* и рус. *берег* → *берега́*, *дом* → *дома́* и др.

Принцип нейтрализации грамматических звуков

Суть данного принципа заключается в том, что он не затрагивает семантических и фонограмматических свойств, приобретенных корнеформами фонограмматически в предыдущих принципах, а опирается на них при выражении чисто грамматических значений, не связанных с ассоциацией звука со смыслом. Нейтральные грамматические звуки не обладают семантикой действия¹, отражающей ассоциацию звука со смыслом, а выражают добавочные грамматические значения – *qā'ti* ' «режущий – имя сущ. и прич. действ. залога м.р. ед.ч.» → *qā'ti'at* ' «режущая – имя сущ. и прич. действ. залога ж.р. ед.ч.», *kātib* «пишущий – прич. действ. залога м.р. ед.ч.» → *kātibat* «пишущая – прич. действ. залога ж.р. ед.ч.», *katabā* «написали – дв.ч. м.р.» → *takātabā* «переписались – дв.ч. м.р.», *habā* «любили – дв.ч. м.р.» → *taḥabā* «влюбились – дв.ч. м.р.». Грамматический звук /t/ в данном случае выражает женский род (*kātibat* «писательница»), взаимность действия (*takātabā* «переписались – дв.ч. м.р.»).

Звук /t/ придает корню чисто добавочную грамматическую маркировку, он неспособен обладать ассоциацией звука со смыслом, потому что ассоциация осуществляется только в первом принципе. Принцип нейтрализации грамматических звуков взаимодействует с предыдущими принципами, т.к. по первому принципу вся семантика действия выражена ассоциацией звуков со смыслом (*q-t-* ' «резать»). По второму принципу корнеформа приобрела стандартное звуковое количество консонантов (*qa.ta'a* «резать – неопр. ф. глагола»), способное на дальнейшие звуковые количественные изменения в результате чередования гласных по балансам. В третьем принципе – морфонологическом – выраженная ассоциацией звука со смыслом (*q-t-* ' «резать») с определенным количеством гласного звука (*qa.ta'a* «резать – неопр. ф. глагола») семантика действия приобрела новые семантические и грамматические изменения в результате чередования гласных *qā'ti* ' «режущий – имя сущ. и прич. действ. залога м.р. ед.ч. им.п.». Данные семантические и фонограмматические изменения представляют собой смыслоразличительные ощущения, связанные с физиологическими паузами, оправданными тем, что «...арабские филологи считают, что точка артикуляции фокуса звучания на звуковом такте связана и с определенным активным и пассивным укладом органов артикуляции» [2, с. 139].

Семантика действия, проходившая при взаимодействующих предыдущих принципах *qā'ti* ' «режущий – имя сущ. и прич. действ. залога м.р. ед.ч. им.п.», никак не изменяется в 4-м принципе, она всего лишь приобретает добавочную грамматическую маркировку типа: 1) женского рода – *qā'ti'at* «режущая – имя сущ. и прич. действ. залога ж.р. ед.ч. им.п.»; 2) двойственного числа м.р. – *qa.ta'āt* «резали – дв.ч. м.р. прошед. вр.»; 3) двойственного числа ж.р. – *qa.ta'atā* «резали – дв.ч. ж.р. прошед. вр.»; 4) возвратности действия – *taq.ta'āt* «резались – дв.ч. м.р. прошед. вр.», *taq.ta'atā* «резались – дв.ч. ж.р. прошед. вр.» и др.

В арабском языке нет грамматических звуков, кроме указанных в словах *tashil ua 'amān* «облегчение и безопасность». Когда они играют роль грамматических звуков, их звучание не придает корню никакого значения кроме грамматического типа рода, числа, времени, возвратности и др. Грамматические звуки нейтрализуются, чтобы не влиять на значимые звучания консонантов, артикуляционная характеристика которых связана со значением корня, например *резать* с корнем «q-t- '», *писать* с корнем «k-t-b». На данное явление отчетливо и точно указал В. фон Гумбольдт при рассмотрении разграничения вещи и формы: «Первое и самое существенное из того, что дух требует от языка, – это не смешение, а четкое разграничение вещи и формы предмета и отношения. Если же язык навязывает духу такое смешение или осложняет разграничение, он расшатывает и искажает всю внутреннюю деятельность духа. Однако такое разграничение происходит при образовании подлинных грамматических форм путем флексии или грамматических слов, как мы определили это выше, при последовательности обозначения грамматических форм» [5, с. 345]. Арабские грамматические звуки отличаются от индоевропейских грамматических слов «аффиксов» тем, что: 1) арабские грамматические звуки *tashil ua 'amān* определены неизменной формой, а индоевропейские аффиксы многочисленны; 2) арабские грамматические звуки никак не придают корню нового значения, кроме грамматического «род, число и др.», а индоевропейские могут влиять и на семантику корня (*teach* «учить» –

¹ Под семантикой действия понимается движение органов речи, уподобляющееся физическому действию субъекта. Данная семантика есть ассоциация звука со смыслом.

teacher «учитель», *eat* «есть, кушать» – *overeat* «переесть», *write* «писать» – *rewrite* «переписать»); 3) в индоевропейских языках аффикс представляет собой «...слово, которое в определенный период своего развития становится аффиксом» [8, с. 34], а арабские грамматические звуки – всего лишь звуки, способные передать только грамматические значения, не связанные с семантикой действия при выступлении в роли грамматического звука; основное значение арабского корня стоит за его консонантами, поскольку «строй семитских языков отличается от строя других языков преимущественно тем, что семитский корень состоит только из согласных, чаще всего трех; гласные же, без коих такой корень произносим, выражают грамматические значения» [19, с. 1]; 4) нейтрализация грамматических звуков арабского языка сохраняет консонантную семантическую целостность корня, связанную с его консонантами (*kātib* «писатель» → *kātibat* «писательница»). Индоевропейская аффиксация часто нарушает семантическую целостность корня и маркирует его по-другому. В словах типа *книгоед* обе части сложения (*книга* и *есть*) утратили не только семантическую целостность корня, но и частеречную принадлежность обеих частей сложения, еще и отмечается регрессивная утрата родового маркера первого компонента в пользу нового слова *книгоед*, для которого нехарактерны грамматические маркеры обеих частей сложения *книгоед* «имя сущ. м.р.»).

Арабский корень сохраняет свою семантическую целостность с первого языкового уровня до последнего и не допускает присоединения аффикса, в основе которого лежит слово, превратившееся в аффикс. Данное явление позволяет принципу флективной прогрессивной интеграции языковых уровней свободно действовать, поскольку во всех корнеформах не допускается смешение грамматических маркеров частей сложения, в результате которого оба компонента сложения утрачивают свой маркер в пользу нового сложного слова: *муха* (имя ж.р.), *ловить* (глагол) → *мухолов* (приспособление для ловли мух – название средства). Данное присоединение аффикса к корню нарушает семантическую целостность обеих частей сложения, и дальше они не могут спрягаться или склоняться по своим оригинальным грамматическим маркерам, т.к. образовалось имя сущ. (мухолов), род которого нехарактерен для обоих компонентов сложения, с нарушением частеречной принадлежности обеих частей в пользу нового слова, однако Ибн джины не признает сложения способом словообразования, а лишь способом сокращения [24].

Структура арабского корня и фонограмматические и семантические изменения в результате принципов флективной прогрессивной интеграции языковых уровней, т.е. звуковых количественных изменений состава корня, поддержанные спецификой арабской письменности, создали специфический метод построения арабской грамматики. Она «...отличается методом своего построения от многих грамматик других языков и образует самостоятельную традицию грамматического описания» [2, с. 128].

Фоносинтаксический принцип

Данный принцип является продолжением предыдущих принципов, т.к. словоизменительные огласовки зависят от фонограмматических маркеров, полученных в результате морфонологической категоризации. Долгий гласный /ā/ *qā.ti'ān*, который создается по третьему принципу, представляет собой один из маркеров двойственного числа именительного падежа и обуславливает словоизменительную маркировку – /ei/, чередующуюся с ним для выражения косвенных падежей двойственного числа. Ср. *kātibān* «два писателя – имя сущ. дв.ч. м.р. им.п.» → *'n kātibēin* «о двух писателях – имя сущ. дв.ч. м.р. пр.п.», *qā.ti'ān* «два режущих – имя сущ. м.р. дв.ч. им.п.» → *'n qā.ti'ēin* «о двух режущих – имя сущ. дв.ч. м.р. пр.п.»).

Взаимодействие принципов флективной прогрессивной интеграции продолжается при словоизменении, т.е. ассоциация звука со смыслом, созданная в первом принципе, активно действует в фоносинтаксическом принципе, поскольку: 1) жесткий порядок консонантов склоняемых слов не дает ассоциации разрушаться – *qa.ta'a* «резать – неопр. ф. глаг.» → *qā.ti'* «режущий – сущ. и прич. действ. залога ед.ч. м.р.» → *qā.ti'ān* «два режущих – имя сущ. м.р. дв.ч. им.п.» → *'n qā.ti'ēin* «о двух режущих – имя сущ. дв.ч. м.р. пр.п.»; 2) стандартное звуковое количество консонантов корня, полученное по второму принципу *qa.ta'a* «резать – неопр. ф. глаг.», служит фонетической базой, на основе которой происходят морфонологические чередования → *qā.ti'* «режущий – сущ. и прич. действ. залога ед.ч. м.р. им.п.» в третьем принципе; 3) грамматический звук /n/ в корнеформе *qā.ti'ān* «два режущих – имя сущ. м.р. дв.ч.», представляющий собой удвоенный танвин «маркер двойственного числа», никак не влияет на ассоциацию звука основных консонантов корня со смыслом, тем более что он есть сочетание огласовок, а не консонантов; 4) морфонологические маркеры обуславливают словоизменительную огласовку – *qā.ti'ān* «два режущих – имя сущ. м.р. дв.ч.» → *'n qā.ti'ēin* «о двух режущих – имя сущ. дв.ч. м.р. пр.п.»).

Фоносинтаксическое значение выражено фонограмматически, т.е. путем чередования гласного последнего слога *qā.ti'ān* «два режущих – имя сущ. м.р. дв.ч. им.п.» с гласными последнего слога *'n qā.ti'ēin* «о двух режущих – имя сущ. дв.ч. м.р. пр.п.»).

Следовательно, фоносинтаксический принцип не отделяется от предыдущих принципов, а является их продолжением, поскольку принципы взаимосвязаны и отражают суть флективной прогрессивной интеграции языковых уровней арабского языка.

По итогам данной работы можно сказать, что фоноструктура арабского языка обуславливает прогрессивную семантическую фонограмматику. Данное явление объясняется тем, что звуковые количественные изменения консонантов корня, организованные фонетическим строем, способны выразить все семантические и грамматические изменения корнеформ на всех уровнях арабского языка, т.е. при спряжении, морфонологической категоризации и фоновословомениении по действующим прогрессивным принципам арабской семантической фонограмматики.

Список литературы

1. Аль-фoadи Р. А. Один ключ от двери в бескрайний мир арабского языка: основные показатели флективности. Берлин: Lambert publishing Academy, 2014. 73 с.
2. Амирова Т. А. История языкознания. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 672 с.
3. Буслав Ф. И. О влиянии христианства на славянский язык: опыт истории языка по Остромирову Евангелию, написанный на степень магистра кандидатом Ф. Буславым. М.: Университетская типография, 1848. 211 с.
4. Буслав Ф. И. Преподавание отечественного языка. М.: Просвещение, 1992. 512 с.
5. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 396 с.
6. Жолобов О. Ф. К истории малого квантитатива и форм множественного числа на -ā // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. 2003-2004. Вып. 3. С. 15-23.
7. Коган Л. Е. Аккадский язык // Языки мира: семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки. М.: Academia, 2009. 832 с.
8. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений производного слова. М.: Наука, 1981. 200 с.
9. Кумахов М. А. О соотношении морфемного строения слова и словообразования // Вопросы языкознания. 1963. № 1. С. 117-119.
10. Ленина С. В. Структура интернациональности в рамках феноменологического метода языковой сущности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (42) 2014. Ч. 2. С. 120-124.
11. Мельчук И. А. О «внутренней флексии» в индоевропейских и семитских языках // Вопросы языкознания. 1963. № 4. С. 27-40.
12. Мингазова Н. Г. Категория количества в арабском, английском и татарском языках // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 5 (1). С. 373-379.
13. Поляков О. Г. Лингвистические аспекты проектирования курса английского языка для специальных целей // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (30). Ч. 1. С. 165-168.
14. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М.: Учпедгиз, 1958. Т. 1. 536 с.
15. Серебrennikov Б. А. О причинах устойчивости агглютинативного строя // Вопросы языкознания. 1963. № 1. С. 46-57.
16. Щерба Л. В. О второстепенных членах предложения // Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л.: ЛГУ, 1958. Т. 1. С. 53-60.
17. Щерба Л. В. Фонетика французского языка // Очерк французского произношения в сравнении с русским. Изд-е 7-е. М.: Высшая школа, 1963. 308 с.
18. Энциклопедический словарь: в 86-ти т. / под ред. К. К. Арсеньева и заслуженного профессора Ф. Ф. Петрушевского. СПб.: Типолитография Акц. общ. Брокгауз-Эфрон, 1902. Т. XXXVI (71): Финляндия – Франкония. 478 с.
19. Юшманов Н. В. Грамматика литературного арабского языка. СПб.: Юридический центр «Пресс», 1999. 160 с.
20. Alfarahidi Alkhalil bin Ahmmed. Ain / taḥqīq: Maḥdi almakhzumi, Ibrahim alsamarai. Baghdad: Dar Alrasīd, 1980. 382 p. (Халил бин Ахмед Фарахиди. Айн / под ред. Махди Махзуми и Ибрагима самарай. Багдад.: Дар Альрашид, 1980. 382 с.)
21. Sibawaih Abu Bishr Omar bin Qanbar. Alkitāb / taḥqīq Abdualsalam Mohhamed Harun. Qahira: Maktabatu Alkhanachi, 1988. Aljuzu alawal. 446 p. (Сибавейхи Абу Омар бин Канбар. Алькитāб / под ред. Абуальсалам Мохаммед Харун. Каир: Библиотека Альханачи, 1988. Т. 1. 446 с.)
22. Ibn Fars. Mu'jam magḡaiis allwḡa / taḥqīq Abdualsalam Mohamed Harūn. Damasaq – Btirut: Dar Alfikir, 1979. Aljuzu alawal. 519 p. (Ибн Фарс. Словарь критериев языка: в 6-ти т. / под ред. Абедалясалам Мохаммед Харун. Дамаск-Бейрут: Дар Альфикир, 1979. Т. 1. 519 с.)
23. Ibn Jini Abu alfath Omar bin Osman. Al munsif li kitab altasrif. Qahira: Dar ihia altutath algadim, 1954. Aljuzu alawal. 464 p. (Ибн Джини Абу Альфатих Осман. Справедливый для книги тасрифа: в 3-х т. Каир.: Дар возрождения старого наследия, 1954. Т. 1. 464 с.)
24. Ibn Jini Abu alfath Omar bin Osman. Khaṣaiṣ / taḥqīq Mohamed Ali Alnajār. Gāhira: Al ma'abat al almiat, 1954. Aljuzu alawal. 411 p. (Ибн Джини Абу Альфатих Осман. Хасайс "Особенности": в 3-х т. / под ред. Мохаммед Али Альнаджар. Каир.: Научная библиотека, 1954. Т. 1. 411 с.)
25. Ibn Jinni Abu alfath Omar bin Osman. 'ilalu altaḥniati / taḥqīq Subih Al-tmimi, taba alawla. Gahira: Maktabatu althagafati aldiniati, 1992. 26 p. (Ибн Джини Абу Аль Фатих Омар бин Осман. Мотивы двойственности / под ред. Субих Аль-тмими. Каир: Библиотека религиозной Культуры, 1992. 26 с.)
26. Ibn Manzur. Lisan Alarab. Beirut: Dar ṣādir, bdūn taḥkī. Almuḡlalad 9. 366 p. (Ибн Манзур. Язык арабов: в 15-ти т. Бейрут: Дар Садир, без даты. Т. 9. 366 с.)

Список сокращений

Дв. ч. – двойственное число, дееп. – деепричастие, ед.ч. – единственное число, ж.р. – женский род, им.п. – именительный падеж, м.р. – мужской род, мн.ч. – множественное число, неопр. ф. гл. – неопределенная форма глагола, пр.п. – предложный падеж, прошед. вр. – прошедшее время, прил. – прилагательное, прич. действ. залога – причастие действительного залога, прич. страд. залога – причастие страдательного залога, сущ. – существительное.

PROGRESSIVE SEMANTIC PHONO-GRAMMAR: PRINCIPLES OF THE ARABIC PHONO-STRUCTURE

Al-foadi Rahim Ali, Ph. D. in Philology, Associated Professor

Al-Magsoosi Hikmat Jawad

Baghdad State University (Iraq, Baghdad)

raheem_3friend@yahoo.com; hikmatjawad@mail.ru

The article gives the analysis of an Arabic root-form from the standpoint of progressive phono-semantics and phono-grammar. Within the framework of this linguistic paradigm the theory of sound association with its meaning is confirmed owing to the Arabic word structure. According to the combination of definite root forms consonants the principles of progressive phono-grammar of the Arabic language are exercised. The sound quantitative changes of root consonants are also the result of progressive semantic phono-grammar.

Key words and phrases: phono-grammar; phono-semantics; consonant; the Arabic language; morphologic categorization; root-form.